

Ник приложил невероятное усилие, чтобы заставить себя пойти к столу, за которым обедала Симоль. Он встал, оставив свой собственный обед нетронутым, и пошёл с тяжёлым комом страха в груди. Остальные бросили на него беглые взгляды, думая, что он забыл приправу или что ему нужна чистая вилка. Они никогда бы не подумали, что он совершит что-то столь смелое, как пройти через столовую прямо к Симоль и Диззи, что он и сделал.

По мнению Ника, Диззи, скорее всего, была расстроена из-за него и будет оставаться такой в обозримом будущем. Возможных причин этому было много, и не в последнюю очередь его постоянное присутствие в её жизни, когда она счастливо пошла дальше примерно пять лет назад.

Также она могла быть расстроена тем, что у него есть доступ к миру, в который она сама была заинтересована попасть, но была слишком далека от этого. У неё также могло быть ложное впечатление, что он был единственным препятствием, блокирующим ей вход.

Это было сложно. И по большей части из-за отсутствия коммуникации между ними. Отчасти это была его вина. И отчасти её.

Ник чувствовал, как у него трясутся поджилки, а в животе начали нарастать признаки тошноты, пока он прокладывал путь между столов. Он ускорил шаг, чтобы не оставить себе времени на размышления. Он сосредоточился на уклонении от учеников, которые, пообедав, резко вставали, или же тянулись за бутылочкой соуса на другом столе; он быстро менял направления и искал альтернативные маршруты, словно был частью танца, включающего и остальных учеников, которые о нём и не ведали. Обеденная суeta развернулась в полную силу, и никто не обращал на него большого внимания. Неизменный гам голосов убедил его, что его выходы не заинтересовали остальную часть школы.

Его друзья, несомненно, уже догадались о его пункте назначения и наблюдали за ним с заворуженным ужасом. На их лицах всегда появлялось одно и то же выражение готовности получить удар, когда одному из них приходилось вступать в прямой конфликт с любой из двух девушек. Это было чем-то вроде традиции — предполагать худшее и надеяться, что фактический результат не оправдает их самых страшных предсказаний, и в конечном итоге испытать облегчение от того, что, по крайней мере, всё было не так плохо, как могло бы быть.

Если подумать о ситуации в абстрактных терминах — это помогало взглянуть на неё так, словно речь шла о других людях, желательно из далёкого прошлого и давно умерших, — человек в положении Ника должен был высказаться сразу после того, что произошло в Королевском колледже. Обе девушки ответили бы ему в тот же миг, не успев развить ненужные подозрения о том, что он задумал. Что бы из этого ни вышло, хорошее или плохое, это можно было бы решить немедленно, и между ними царил бы всеобщее понимание.

То, что вышло у них, было всеобщим недопониманием. Каждая сторона делала предположения о другой, а затем действовала так, будто единственный способ избежать любых неприятностей состоял в том, чтобы полностью избегать друг друга. Последующие неприятности могли принять другую форму, но они всё так же оставались неприятностями. Этого, определённо, было не избежать.

Проблема Виннум Роке была тем, что убедило Ника разобраться с этой ситуацией. Это был решительный шаг, и сделал он его в одностороннем порядке. Он боялся их реакции, но это единственное, что ему грозило. Они не могли изменить его решение или сделать что-то иное, кроме как доложить о нём Архимагу. И они бы так не поступили, в этом он был уверен.

Когда он подошёл к столу, ни Симоль, ни Диззи не подняли глаза. Обе девушки ели и продолжали это делать так, словно было ужасно важно не упустить даже одну-единственную горошину.

Они знали, что он был здесь. Он стоял молча, ожидая какой-нибудь реакции. Они нарочно пытались заставить его чувствовать себя неловко, и они великолепно с этим справлялись.

— Симоль, — наконец сказал он.

Диззи подняла голову, холодный взгляд встретил его глаза, отсутствие эмоций на её лице было осознанным выбором, а не безразличием.

Симоль продолжала есть.

— Симоль, — сказала Диззи, — к тебе тут пришли. — Её тон был холодным, но у Ника был богатый опыт с таким отношением, и он с нежностью вспомнил её нрав. Во всяком случае, это согрело его.

— Кто это? — сказала Симоль, не поднимая глаз. — Кто-то интересный?

Ник почувствовал, как поднимаются уголки его рта, и постарался не допустить этого. Они играли с ним, но самым глупым способом из возможных. Девушки-подростки были хорошо известны своим злобным дразнением, но притворяться, что не видишь то, что находится прямо у тебя под носом, не было никакого смысла. Это лишь заставит тебя выглядеть глупо.

— Это я, — сказал Ник, не утруждая себя потворствовать их подколкам, хотя обычно он принял бы их игру только ради повода остаться рядом с Диззи немного дольше. Именно эти мысли заставили Ника удивиться, каких именно отношений с ней он хотел. Видимо, не на равных. — Я бы хотел поговорить с тобой, если ты не против. Наедине. — Он посмотрел на Диззи и улыбнулся, как он надеялся, скромно и почтительно. Что-то вылетело из тарелки Диззи и ударило мальчика в трёх столах от них, к большому удивлению последнего. Оно пролетело слишком быстро, чтобы Ник смог понять, что это. Возможно, это была сосиска.

Мальчик, поражённый сосиской, с визгом встал, привлекая внимание своих соседей, и в воинственном настроении принялся искать нападавшего. Оскорбление быстро исчезло с его круглого лица, когда он вычислил вероятную траекторию и определил, от кого он должен будет требовать расплаты. Он сел обратно, покорно и неловко.

Симоль пронзила вилкой сосиску на своей тарелке и переложила её на тарелку Диззи. Ник, наблюдая за актом безмолвной щедрости, почувствовал судороги в животе. Их отношения развились до уровня невысказанной близости, что было за гранью обычной дружбы. Они были близки. Ближе, чем он был с любой из них. Он осознал, что ревнует.

— У меня обед, — сказала Симоль. Она наконец подняла глаза, признавая его присутствие.

— Я знаю, — сказал Ник. — Извини. Это не очень срочно, но я подумал, что сейчас будет менее неудобно, так что тебе не придётся напрягаться. Это не займёт много времени.

— И это касается?.. — Симоль помахала вилкой, пытаясь найти ответ на вопрос, который она смутно вспоминала.

— Ну, знаешь, того, что произошло... — Ник чувствовал, что ученики вокруг были приемлемой причиной, чтобы выражаться слегка расплывчато. — Я мог бы воспользоваться твоей помощью.

Диззи встала. Её стул, отодвинутый назад, издал громкий скрип, что было необычно. Диззи легко могла встать из-за стола, не издавая вообще никаких звуков. Она развернулась и, не сказав ни слова, ушла со своим подносом.

— Ты специально пытаешься спровоцировать её? — спросила Симоль, возвращаясь к обеду.

— Нет. Не думаю. Может быть, подсознательно.

— Ах, ты не контролируешь своё томление.

— Моё томление полностью под контролем, — сказал Ник. — Оно отнимает очень много времени, а я в данный момент очень занят.

Симоль улыбнулась.

— Как может кто-то, кто осознает свои проблемы, быть их пленником?

Ник сел напротив неё.

— Потому что это мои проблемы. Ты мне поможешь? Не с моими проблемами, а с моим другим

трудным случаем.

Симоль порезала еду на кусочки, а затем нанизала их на вилку, пока на ней не оказалось больше, чем она могла проглотить.

— Тебя не волнует, что сказанное тобой может быть услышано? — Она направила вилку в рот и вытащила обратно, уже пустую.

— Фанни регулярно сканировал агентов с тех пор, как мы вернулись, — сказал Ник. — В начале семестра они были очень бдительны, но с недавних пор ослабили хватку.

— Вот почему ты решил остаться в коттедже? — спросила Симоль. — Так легче следить за шпионами и наблюдателями?

Ник кивнул.

— Я подозреваю, что у них есть более насущные дела, а я не настолько интересен, чтобы следить за мной изо дня в день.

— Ты думаешь, проблемы в Гвюре?

— Я бы так предположил, — сказал Ник. — Или что-то ещё, о чём нам не говорят. Не думаю, что они смогут освободить много ресурсов, отказавшись от слежки за мальчиком, делающим домашнюю работу. В любом случае, они отступили. И, к тому же, нет ничего важного, что я мог бы рассказать.

— Ничего важного? Я бы подумала, что то, что придало тебе мужества прийти сюда после того, как ты дистанцировался от нас, очень важно.

Ник нахмурился.

— Я не дистанцировался. Вы обе... Я не знаю, что я сделал, но вы обе дали понять, что я не...

— Понятно, — сказала Симоль. — Мы ранили твои чувства.

— Нет...

— Мы всего лишь две девочки, чьи отцы, похоже, больше интересовались странным мальчиком, чем нами, и мы были в недоумении. Ты можешь понять наш ужас от такого открытия? Вся наша жизнь строилась вокруг того, чтобы быть центром мира папы, а затем появляется Ник Тутт, и они оба мгновенно одурманены им.

Один уголок рта опустился вниз, пока Ник жевал внутреннюю сторону щеки с другой стороны.

— Я бы описал это не совсем так. Оба ваших отца являются — являлись — ужасающими людьми. Я с радостью бы вернул вам их внимание, если бы мог. Прости, если лишил тебя какой-нибудь семейной любви.

— Не нужно извиняться, — радостно сказала Симоль. — Попытки решить тайну «эффекта Тутта», из-за которого взрослые мужчины чувствуют слабость в коленях в надежде превратить тебя в суррогатного сына, свели нас, меня и Диззи, вместе в нашей взаимной надежде разгадать секрет твоего очарования. Если мы разольём его по бутылкам, нас ждёт целое состояние.

— Даво, возможно, поможет вам в дистрибуции, — сказал Ник. — Но, конечно, за процент.

— С тобой совсем не весело, — сказала Симоль, разочарованная, что не смогла поддеть Ника сильнее. — Возможно, я должна больше походить на тебя. Холодный, бездушный, невосприимчивый к психическим атакам... Кто знает, что ты на самом деле испытываешь по отношению к чему-либо?

Ник собирался прокомментировать, что она уже попадает под это описание, но решил оставить это наблюдение при себе.

— Мой отец считает, что действовать напрямую быстрее, но это делает вещи ненужно трудными, — сказала Симоль. — Если они увидят, что ты идёшь, они подготовятся лучше. Намного легче притвориться, что ты на их стороне, и напасть, когда они этого не ожидают. Это более долгий подход, но сама реализация намного эффективнее.

— Вот почему он хотел убить всех магов? — спросил Ник. Ему никогда не приходило в голову спросить, какие рассуждения стояли за решением Архимага. Поднимать этот вопрос в присутствии Архимага казалось невежливым.

— Он утверждал, что это был единственный вариант, потому что «она» шла. Я попыталась заставить его объяснить, когда выяснилось, что «ей», похоже, была Виннум Роке. Должно быть, он знал это с самого начала.

— И что он сказал? — сказал Ник.

— Ничего. Он отказался дать мне ответ. Думаю, он мне не доверяет.

— Ну, ты сдала его властям, — отметил Ник.

— Да, сдала. Но разве стоит из-за этого затаивать обиду? Я ведь не нападала на него прямо.

— Я не хочу ни на кого нападать, — сказал Ник, — ни прямо, ни косвенно.

— Я знаю, в этом твоя проблема. Никто не может понять, чего ты хочешь, поэтому они не могут подготовиться, и это заставляет их беспокоиться. Ты хитрый противник, Ник. Все думают, что ты обязан играть очень умную игру, но я не думаю, что ты принимаешь участие в их соперничестве. У тебя своё собственное состязание, так ведь?

— Ты слегка расплывчато выражаешься, — сказал Ник. — Не уверен, что понимаю тебя. В какую игру они играют? Ранвар уже контролирует большую часть этого региона, а у других крупных стран есть свои проблемы. Они не хотели бы ничего начинать. Я думал, что статус-кво — это то, что все хотят поддерживать.

— Так и было. И затем Виннум Роке решила внести некоторые изменения, помнишь?

Ник пожал плечами.

— Ты правда думаешь, что она последнюю тысячу лет ждала шанса отомстить?

— Для неё это была не тысяча лет, — сказала Симоль. — Я провела с ней достаточно времени, чтобы понять три вещи. Во-первых, она очень зла. Во-вторых, она безумна. И, в-третьих, она, побывав в Ином Месте, стала намного сильнее, чем была раньше, а раньше она была довольно сильной.

— Тогда что её останавливает? — спросил Ник.

Симоль слегка приподняла голову и сквозь ресницы посмотрела на него.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я? Сомневаюсь, что смогу остановить её, если она действительно так сильна, как ты говоришь.

— Если только ты не гораздо сильнее, чем ты считаешь, — сказала Симоль.

Ник вздохнул.

— Я бы очень хотел, чтобы это было правдой. Быть таким человеком было бы замечательно. Это может заставить некоторых людей взглянуть на меня по-другому. — Он оглядел столовую. В их сторону никто не смотрел.

— Ты всё ещё пытаешься произвести хорошее первое впечатление? — спросила Симоль. —

Слегка поздновато для этого, тебе не кажется?

— Тогда что мне делать?

— Ага! — сказала Симоль. — Я часто задавала себе этот вопрос. Я попробовала спрашивать других людей, и они всегда давали мне ответы, которые заставляли меня думать, что я, возможно, не знаю, чего хочу, но я знаю, что это не так.

Ник усмехнулся.

— Да уж. Всё, что это даёт, — это ещё несколько вычеркнутых из списка вариантов.

— Так с чем тебе нужна моя помощь? — спросила Симоль, вернув их к началу, к причине его похода через столовую.

Ник наклонился вперёд и понизил голос.

— Я хочу узнать, чего хочет Виннум Роке. То, что ей нужно, должно быть чем-то особенным. Я думал, что лучше всего будет закопать всё поглубже и просто не доставать — разбираться с этим будет той ещё морокой, и лучше об этом вовсе не знать.

— Не похоже на тебя, — сказала Симоль.

— Не похоже. — Ник посмотрел на столешницу, покрытую древними пятнами миллионов приёмов пищи. — Я решил, что стратегия отсидеться и переждать не сработает. Плюс, мне это нравится — причастность к чему-то большому, даже когда я не знаю, что поставлено на карту. Может быть, если бы я знал, мне было бы намного страшнее. Обычная жизнь с работой в хорошем офисе, покупкой вещей для большего комфорта — всё это немного...

— Серо?

— Вроде того. Серо и тоскливо.

— Но безопасно и комфортно, — сказала Симоль.

Раздался ещё один скрип стула. Ник был настолько поглощён разговором, которого он слишком долго ждал, что не заметил возвращения Диззи, пока та снова не села. Её поднос был полон еды; она ушла, чтобы взять добавку.

— Хватит, — сказала Диззи. — Больше я этого терпеть не стану.

Ник посмотрел на Симоль, но получил в ответ едва заметный кивок.

— Терпеть что? — спросил Ник.

Диззи проткнула сосиску гораздо более агрессивно, чем это было необходимо. Она наклонилась через стол, заставив Ника откинуться назад. Её рука рванула вперёд и схватила лацкан, чтобы остановить его отступление.

— Симоль я понимаю, — прошипела Диззи. — Она родилась такой. Судьба поставила её в центр событий, и не без оснований. Её участие я принимаю. Твоё же... — Она сделала паузу, чтобы расслабить сжавшийся от непреклонной уверенности рот. — Что полезного можешь сделать ты?

— Ты хорошо пахнешь, — сказал Ник, и это было не то, что он хотел сказать, но было единственным, о чём он мог думать. Её запах не был сладким или женственным, она пахла так, будто прокатилась по траве и попутно раздавила несколько цветков.

Лицо Диззи окрасилось в красный, и она отпустила лацкан.

— А как насчёт меня? — спросила Симоль, раздражённо скривив губы.

— О чём ты? — сказал Ник.

— Ты ни разу не говорил мне, что я хорошо пахну. Значит ли это, что ты думаешь, что я пахну неприятно?

— Нет, конечно нет, — сказал Ник.

— Но не так ароматно, как эта девушка. — Она указала на Диззи снова наполненной вилкой. — По сравнению с ней мой запах нежелательный? Неприятный? Противный?

— Нет, — сказал Ник, отбиваясь от нарастающей паники. С одной девушкой было гораздо легче иметь дело. Вместе они усиливали способности друг друга, чтобы залезть ему под кожу, как те насекомые, которые использовали человеческую плоть для инкубации своих яиц. — Его просто сложно заметить из-за, э-э-э, запаха капусты. — Он неопределённо указал в сторону кухни.

— Сегодня капусты нет в меню, — сказала Симоль. — Возможно, ты путаешь мои духи с запахом варёных овощей. Ты всегда думал, что я пахну капустой?

— Мне нравится капустный суп. — Это было единственное, что Ник придумал ответить.

— Прекрати, — сказала Диззи. — Сейчас не время для флирта.

Симоль ответила на обвинение ужасающей ухмылкой.

— Не думаю, что это флирт, — сказал Ник.

— Это потому, что ни одна девушка раньше с тобой не флитовала, — ответила Диззи.

— О, — сказал Ник. — Значит, когда девушка флиртует с тобой, ты должен чувствовать страх и желание убежать прочь?

— Зависит от девушки, — сказала Симоль. — И чего она ждёт, — добавила она.

— Как я уже сказала, — твёрдо сказала Диззи, — Симоль я понимаю. Тебе же, с другой стороны, это совершенно не по плечам. Ты не заслуживаешь быть частью этого, не говоря уже о том, чтобы быть во главе.

— А ты заслуживаешь?

— Побольше тебя.

Дело было не в том, что он не был согласен с её точкой зрения, а в том, что он не видел связи. С каких пор заслуженность хоть как-то была с этим связана?

— Что, если бы это был не я? — сказал Ник. — И не ты. Кто-то другой. — Он выпрямился и осмотрелся в поисках вероятного кандидата. Никто в глаза не бросался. — Кто-нибудь в столовой. Ты согласишься с этим?

— Это целиком зависит от того, кто это будет, — сказала Диззи. — Ты недостаточно подготовлен, ты не умеешь пользоваться оружием, у тебя нет склонности к физическим усилиям, и ты, вероятно, до сих пор задыхаешься после одного-единственного лестничного пролёта.

В её словах был смысл, но соглашаться с ним Ник не был намерен.

— Но ты слишком близорука, — сказала Симоль. — При всех его многих и многих недостатках ты должна признать, что он мальчик умный и упорный, и, что бы ни говорила его внешность, явно находчивый. — Она улыбнулась, словно собиралась добавить кульминацию шутки, и одной мысли об этом было достаточно, чтобы она начала хихикать.

— Эти качества не очень полезны, когда тебе на голову падает здание, — сказала Диззи.

— На самом деле они были очень полезны, — сказал Ник. — Я думаю, что ты...

— Мне всё равно, что ты думаешь, — огрызнулась Диззи, перебив его. — В этом весь смысл.

— Как твоё томление сейчас? — спросила Симоль с ухмылкой, открыто насмехаясь над ним. — Всё ещё чувствуешь тягу всех этих лет?

— Это не имеет к этому никакого отношения, — сказал Ник. — Я уже принял её решение. Она была, — он повернулся к Диззи, — ты была права. Есть более важные вещи, о которых нужно беспокоиться. Вся моя жизнь — это большая пустая дыра, которую мне нужно чем-то заполнить. Прости, если я оказался там, где хотела быть ты. Я знаю, что это просто слепая удача, но было бы глупо не сделать всё возможное. Это всё, что я пытаюсь сейчас сделать. Даже если у меня выйдет из рук вон плохо, решение, как мне действовать, всё равно будет за мной, заслуживаю я этого или нет.

— Да, — сказала Диззи. — и я его принимаю. Здесь ты победил, с этим ничего не поделаешь. — Она произнесла это так, словно он выиграл лотерею с огромным призом. По его ощущениям, это было совсем не так. — Один квалифицированный соперник, одна дикая карта. Но ты позволишь мне присоединиться. Что бы с этого момента ни происходило, я хочу быть частью этого. Мне всё равно, считаешь ли ты это хорошей идеей или нет.

Её требование было встречено тишиной. Ник не знал, как объяснить своё нежелание. По крайней мере, таким образом, чтобы не привести её в ярость.

— Они попытаются остановить тебя, когда узнают, что ты что-то от них скрываешь, — продолжила она. — Они, возможно, порежут тебя на куски, чтобы посмотреть, что ещё ты скрываешь внутри себя.

Она говорила об этом с таким смаком, что Ник подумал, что она сама добровольно примет в этом участие. Он невольно сглотнул.

Но он не собирался поддаваться запугиваниям и соглашаться на её требования.

— Ты не можешь просто приказать мне сделать то, что ты хочешь.

— Я знаю, — сказала Диззи. — Мы собираемся прийти к пониманию. Ты собираешься дать мне то, что хочу я, и взамен я собираюсь дать тебе всё, что хочешь ты.

По какой-то причине, которую Ник не мог точно определить, его сердце заколотилось о его грудную клетку, а лицо залил жар.

— Что ты на меня так смотришь? — сказала Диззи.

Симоль начала смеяться.

— Я думаю, ты только что реактивировала его половое созревание. Бедный мальчик вот-вот перегреется.

Диззи нахмурилась.

— Ради всего святого, я не это имела в виду.

— Нет, нет, я тоже. Т-т-то есть, я не думаю, что ты это имела в виду. — Заикание делу не помогало. — Я понимаю, о чём ты, просто я сомневаюсь, что то, что у тебя, по-твоему мнению, есть, именно то, что я хочу. Мне ничего не нужно.

— Тогда что ты хочешь от Симоль? — спросила Диззи, её тон снова усилился в сторону воинственности.

— Она может пойти со мной. Ты — нет. Ты сама сказала, что она родилась такой. Мне повезло попасть туда. Я не мог бы взять тебя, даже если бы захотел.

— Ты недооцениваешь то, какой вклад я могу внести. Что я могу сделать для тебя, — сказала Диззи, — это тренировать тебя, чтобы ты мог бежать часами постоянным темпом, не сбивая дыхание. Я могу дать тебе силы взобраться по любому строению и взор, чтобы увидеть самый эффективный маршрут для подъёма. Ты сможешь профессионально управиться с любым оружием, и с парочкой даже на экспертном уровне. Я буду толкать тебя в сторону людей, о которых ты читаешь и затем мечтаешь стать, но никогда не сделавший шага в ту сторону. Тебе нужно стать таким человеком.

— Мне кажется, ты плохо понимаешь, о чём он мечтает, — сказала Симоль.

— Это будет нелегко, — продолжила Диззи, игнорируя замечание. — Каждое занятие оставит тебя слабым и трясущимся, страдающим рвотой, пока в кишках ничего не останется, а слёзы не высохнут.

Нику это изображение не показалось привлекательным. Она вот так хотела внести свой вклад?

— Это хорошее предложение, — дразнила Ника Симоль, сверкая широко раскрытыми глазами. — Я должна ухватиться за него, пока она не передумала. Подумай об этом, Ник, твоё тело будет в таком же прекрасном состоянии, как и ум. Даже женщина с неоправданно высокими стандартами не сможет устоять перед тобой.

— Равно как и женщина с низкими стандартами, — сказала Диззи, — или вообще без каких-либо стандартов. Тебе, наверно, нужно сохранять открытыми все возможности.

Обе девушки обменялись взглядами, не имеющими очевидного значения, но которые, тем не менее, заставили Ника почувствовать себя неудобно. Он был посреди чего-то, чего не мог понять, и он даже не был уверен, что хочет.

— Я хочу быть в деле, — сказала Диззи. — Я знаю, что она может пойти туда, куда я не могу, но я могу взять тебя в места, о которых ты только мечтал.

Ник встал, жар вернулся к его лицу.

— Я подумаю об этом. — Он повернулся и пошёл обратно к своему столу.

Первогодки ушли, но Даво, Фанни и Брилл ждали его.

— Диззи собирается научить меня бегать, лазать и сражаться, — ответил он их вопрошающим лицам.

— Отлично, — сказал Брилл. — Уверен, это именно то, что тебе нужно. Свежий воздух, много упражнений. Я бы присоединился к тебе, но я интеллектуал. Мой ум — мой главный приоритет, моё тело — храм, и так будет оставаться вечно.

— Я тоже интеллектуал, — сказал Фанни.

— То же самое, — сказал Даво.

Ник не мог обвинить их в нежелании присоединиться к его новому тренировочному режиму. Это будет изнурительно и очень болезненно, если Диззи, как всегда, будет следовать себе. Но он улыбался этой мысли. Она проведёт с ним время по собственному желанию, чего она до сих пор не делала. Это всегда происходило по его инициативе. Он начал есть свой остывший обед, закидывая еду и запивая её водой в рекордные сроки. Он откинулся назад, вдохнул и мог поклясться, что учуял грязную траву и сломанные лепестки.

Глава 4

Ник бежал, в его груди горело. Холодный утренний воздух входил в лёгкие как нож, а затем взрывался крошечными осколками расплавленного металла. Его руки дико поднимались и опускались, когда он заставлял себя продолжить бег. Он никогда не был склонен горевать из-за своего несчастного положения или заикливаться на нём. Гнев и жалость к себе мало чем помогали и лишь продлевали период, во время которого он ничего не делал со своей проблемой. Но это... это он ненавидел.

Он обежал вокруг столовой и направился обратно к коттеджу. Достижение в виде пройденной половины пути не делало бег менее изнурительным.

— Я считаю тебя недостаточно гибким, — сказала Диззи. — Давай посмотрим, что мы можем сделать.

Она подошла к его обучению — или реабилитации, как она это назвала, — с профессиональной беспристрастностью. Она рассматривала его как сломанную игрушку, которую нужно починить, и первый шаг заключался в тщательном осмотре. Такая ситуация буквально должна была стать воплотившейся в жизнь мечтой.

Но она не стала.

Прикосновения Диззи были холодными и обезличенными. Она скручивала и сгибала его, проверяла его пределы, а затем заходила ещё немного дальше, чтобы посмотреть, что будет. Она действовала совершенно серьёзно, полная достоинства, но он слишком хорошо её знал, чтобы не заметить лёгкий оттенок садистского удовольствия в её глазах.

Возможно, ему это показалось. Возможно, это её мечта воплотилась в жизнь.

— Нет смысла пытаться тонко настроить инструмент, пока он не настроен хоть как-то, — сказала она, в это же время пытаясь оторвать ему голову и в конце концов убедившись, что она крепко прикреплена к шее. — А ты расстроен совершенно. Мы должны начать с регулярной растяжки, утром, как только ты проснёшься, и вечером, перед тем как лечь спать. Это и бег. Много бега, так быстро, как только ты сможешь справиться. Ты должен заставлять себя, Ник. Ты будешь обманывать только самого себя, если пойдёшь по кратчайшему пути. Задача не в том, чтобы достичь непосредственно цели, приложив наименьшее количество усилий. Усилия и есть цель.

— Я понимаю. — Было трудно держать раздражение под контролем, когда она говорила с такой самонадеянностью, с такой уверенностью в его намерениях. Его методы, которые он использовал, когда сталкивался с проверкой себя перед учителем, были совсем не теми же, которые он использовал, когда ему приходилось испытывать самого себя. Так он, по крайней мере, предполагал. Ему нечасто доводилось оказываться в таком положении.

— В обычных условиях я бы сказала тебе не спешить и не подвергать себя риску получить травму, но в нашем случае я не думаю, что у нас есть время идти по медленному пути. Боль — твой друг, она скажет тебе, что ты на правильном пути.

Скорость, с которой она вернулась к той властной девушке, которая всегда придумывала план и всегда принимала решения, была молниеносной. Когда они были детьми, разница в их статусах сделала это неоспоримой частью их отношений. Сейчас, однако, она была простой ученицей. Он не был обязан делать то, что она ему говорит.

Он ускорился, несмотря на то, что он был уставшим и несчастным, несмотря на то, что разум велел ему остановиться, пока его не стошнило. Он, возможно, больше не был вынужден следовать её приказам, но он определённо не мог позволить ей покачать головой со знающим видом, словно именно этого она ожидала.

Было раннее утро, и большинство учеников ещё даже не проснулись. Небольшой туман покрывал землю, и трава, когда он пробежал по ней, оставляла на его голених пятна влаги. Он был в плохой форме. Он никогда не был спортсменом, но он видел достаточно занятий спортом в школе, чтобы знать, как это должно выглядеть. Изысканность, элегантность, эффективность движения. Он сильно сомневался, что именно так он выглядел в глазах садовников и рабочих, занимающихся своими делами. Если они вообще замечали его присутствие.

Он добрался до последнего отрезка пути: ещё один поворот, а затем длинная дорога, которая ведёт к коттеджу. Дышать было настолько больно, что он задерживал воздух в лёгких как можно дольше, как будто бежал под водой.

Впереди на финишной линии стояли две фигуры. Одну он там ожидал, а другую он не узнал. Похоже, это был мальчик.

Такая ранняя пробежка служила двум целям. Во-первых, чтобы как можно скорее выполнить своё обязательство, и, во-вторых, чтобы никто не увидел, как он это делает.

Он дошёл на дрожащих ногах и согнулся, с трудом вдыхая воздух, который, казалось, не хотел входить в его тело, если только не втягивать его с огромным усилием.

— Это было весело, — сказала Симоль. — Не припомню, чтобы когда-либо видела, как кто-то с таким трудом двигается. Ради этого стоило так рано встать.

— Время, — сказал Ник.

— Ммм? О, шесть сорок пять.

— Я имею в виду... — Он выпрямился и чуть не упал назад из-за того, что его голова, став лёгкой, закружилась. — Я имею в виду, сколько времени мне понадобилось.

— Понятия не имею, — сказала Симоль.

Ник сделал ещё несколько глубоких вдохов, прежде чем продолжить. Это не помогло.

— Именно для этого я дал тебе часы.

Симоль посмотрела на серебряные карманные часы в руке.

— Ага, и они говорят, что сейчас шесть сорок пять утра.

— Четырнадцать минут, — сказал маленький мальчик, стоящий чуть поодаль по левую руку от Симоль.

Ник посмотрел на мальчика. Ему было около одиннадцати или двенадцати лет, ещё не прошедший всплеск роста (или прошедший, но крайне неудачно). Он был одет в школьную форму, всё было аккуратно выглаженным и безупречно чистым. Рубашка была потрясающе белой, на жакете не торчало ни единой ниточки, а на туфлях не было и следа потёртостей.

— Твой друг? — спросил Ник.

— Я думала, он с тобой.

— Ты в ужасной форме, — сказал мальчик, игнорируя их гораздо сильнее, чем они игнорировали его. — Ты так только навредишь себе. Тебе нужно держать голову поднятой, а руками двигать только в такт движениям бёдер.

— Ты школьный эксперт по лёгкой атлетике, да? — Известное самообладание Ника, которое он проявлял при встрече с теми, кто был намного более могущественнее его, покинуло его перед лицом этого маленького лорда, который пытался поправить его осанку.

— Не нужно быть опытным пловцом, чтобы понять, когда кто-то тонет. — Мальчик развернулся, достаточно медленно, чтобы показать, что их компания его ничуть не испугала, и ушёл.

Ник вопрошающе посмотрел на Симоль. Она пожала плечами и протянула ему карманные часы.

— Хорошие часы, — сказала она. — Слегка вычурные для сына горничной, не находишь?

— Они принадлежали моему отцу, — сказал Ник. Он перевернул их в руке. Корпус был гладким от частого использования и ощущался тёплым и комфортным. На обратной стороне была надпись, но большая вмятина от чего-то, поразившего часы, сделала её нечитаемой.

— Что ж, это было весело, — сказала Симоль. — Я ожидаю, что ты умрёшь ещё до того, как Виннум Роке сможет сделать следующий шаг. Блестящий план.

— Зачем ты пришла сюда, Симоль?

— Думаешь, я бы упустила возможность увидеть Ника Тутта в шортах и майке? Возможно, в один прекрасный день ты станешь кем-то очень важным, и тогда я смогу поучаствовать в

рассказах о мальчике, которого я когда-то знала. — Её глаза сверкнули. — А ещё я хотела посмотреть, будешь ли ты действительно следовать инструкциям, как хороший мальчик.

— Почему бы и нет? Я не слишком горжусь тем, что принимаю руку помощи.

— Не гордишься, — сказала Симоль. — Я всё ещё пытаюсь решить, будет твоя гибель хорошим событием или нет. Когда мы поговорим с Виннум Роке?

Вопрос застал его немного врасплох.

— Скоро. Мне просто нужно привести её в правильное настроение.

Симоль медленно кивнула.

— Это не работает.

— Что не работает?

— Использование разума, чтобы манипулировать безумным человеком.

— Она не безумная.

— Безумная, — сказала Симоль с полной убеждёностью. — Ты просто не настроен, чтобы увидеть это.

— А ты?

— Не нужно быть опытным пловцом, чтобы понять, когда кто-то тонет. — Она улыбнулась.

— Кажется, ты считаешь, что для меня это утверждение не работает.

— Ты — другое дело, — сказала Симоль. — Твоё мнение гораздо менее уместно, когда ты также рискуешь утонуть.

— Ты думаешь, я сойду с ума? — Эту возможность он рассматривал, но он мало что мог с этим сделать, так что причин задерживаться на этом не было.

— Я думаю, это опасно. У тебя в голове Виннум Роке, и до этого в ней был демон. Ты не был подготовлен для обоих случаев, и не похоже, что ты показываешь всё, на что способен, когда имеешь дело с расстроенными женщинами. Ты даже не можешь справиться с маленькой

девочкой, которая так ослеплена тобой, что она не может перестать бушевать из-за всех неудобств, которые ты ей доставляешь, а затем, когда её маленькие ручки наконец добрались до твоего тела, она не моет их целыми днями.

Ник был поражён, затем ошеломлён. И затем его рациональный ум взял верх.

— Думаю, ты лжёшь.

— Да, — сладко сказала Симоль. — Но я делаю это так забавно, не так ли?

Ник оставил её с её самодовольством и вернулся в коттедж, чтобы принять душ. Симоль была права во многих отношениях. Не было никаких оснований полагать, что он сможет удержать Виннум Роке под контролем или что он в процессе сам не впадёт в безумие.

К тому времени, когда он был одет и готов идти, остальные проснулись и, ещё сонные, наощупь бродили по кухне. Ник сидел в своей комнате и ждал их. Он мог бы использовать это время, чтобы почитать или просмотреть свои заметки для предстоящего урока, но он просто сидел на краю кровати, уставившись в стену и задаваясь вопросом, каким был правильный путь для мальчика без тренировок и с небольшим опытом. Прыгнуть на самое дно и надеяться, что никто не сможет сказать, утонул ли он?

За завтраком он съел яблоко, миску каши со сливками, несколько ломтиков бекона, два тоста со сливовым вареньем и два стакана молока.

Остальные смотрели на него в изумлении, кроме Фанни, который смотрел и в то же время ел.

— Как она всё спланировала! — сказал Даво. — Сначала она откармливает тебя, затем вырезает себе полезный объект из необработанного блока и небрежно отбрасывает излишки, которые не служат её цели. Ты станешь хорошим джентльменом на поводке, мой друг.

Ник отрыгнул довольно неджентльменским образом.

— Посмотри на неё. — Даво опустил голову, но наклонился вперёд, его острый нос указывал в сторону стола Диззи и Симоль. — Посмотри внимательно, и ты увидишь, как в котле её ума настаивается план за планом, как она отбрасывает их по очереди, если они кажутся ей неэффективными, или слишком грубыми, или не согласуются с её конечной целью. Она отвергает любое предложение, которое может сделать её уязвимой для любых упреков или требований, которые другие могут считать разумными. Пока она осторожна, тверда, решительна, её махинации будут эффективными. Разве тебя не беспокоит, что она планирует получить наибольшую выгоду от твоего обучения?

— Меня беспокоит то, — сказал Фанни, — что она может нечаянно услышать тебя и подумать, что мы думаем так же, как ты.

— Но ты думаешь, — сказал Даво.

— Не вслух, я не думаю, — сказал Фанни.

— Ах, ладно, — сказал Даво, — это всего лишь мимолётная мысль. Она, наверное, просто хочет увидеть, как выглядит накачанный Ник. Женщины могут быть очень поверхностными.

— Они не единственные, кто мыслит поверхностно, — сказал тонкий голос с дальнего конца стола. Маленький мальчик положил поднос и сел. Это был тот самый мальчик, которого Ник встретил утром.

— Ты в курсе, что это столовая старшеклассников? — сказал Даво.

— Да, — сказал мальчик. — Вот почему я здесь.

— А ты не мог выбрать другой стол? — продолжал упорствовать Даво.

— Очевидно, мог бы, — сказал мальчик, — но это было бы чем-то вроде иронии, если после того, как вас вынудили существовать отдельно от обычных учеников, вы бы стали относиться к другим с таким же презрением. — Ошеломив Даво, мальчик обратил внимание на Ника. — Привет ещё раз, Николав.

— Привет, — сказал Ник. — Ты первогодка?

— Слухи о твоём превосходном интеллекте явно не преувеличены.

— Ты его знаешь? — спросил Даво.

— Нет, не совсем. Он наблюдал, как я бегал этим утром.

— О, он преследует тебя, — сказал Фанни. — Интересно, кто его на это надоумил?

— Никто ни на что меня не надоумил, — сказал мальчик. — Я провожу свободное время, исследуя своё окружение. Любопытство полезно. Скептицизм необходим. В мире есть великие силы, которые направляют нашу повседневную жизнь; существа, которые являются хорошими, и существа, которые являются злыми. Я планирую помочь одной стороне помешать другой.

— И которой ты планируешь помочь? — спросил Фанни.

— Ха! — сказал Даво. — Хорошей.

— Да, молодец, — сказал мальчик. — У тебя почти получилось продемонстрировать толику ума.

— Спасибо, — сказал Фанни. — У тебя почти получилось продемонстрировать хорошие манеры. Кто ты?

С другого конца стола послышался долгий, уставший вздох.

— Жаль это говорить, но это мой младший брат, Хьют, — сказал Брилл.

— Хьютон Эпстим, — сказал мальчик с механической улыбкой, которая сразу же исчезла. — Рад знакомству.

— И ещё раз, почему он здесь? — спросил Даво.

Брилл глубоко вздохнул.

— Он вроде вундеркинда. Его талант развился достаточно рано, чтобы попасть в старшие классы в двенадцать лет. Мы все очень, очень гордимся им. — Его тон говорил об обратном.

— Понятно, — сказал Даво. — И в чём состоит его талант? Ему двенадцать, но он может раздражать людей, как пятилетний?

— Что-то в этом роде, — сказал Брилл. — Я приношу извинения.

— Не нужно извиняться от моего имени, — сказал Хьют.

— Пока не нужно, — сказал Брилл. — Я извиняюсь заранее. Мой брат очень яркий мальчик, но ужасно испорченный. Моя мать оберегает его как зеницу ока.

— Не стесняйся при первой же возможности отправить свою мать в «Конолинг и сын», — сказал Даво. — У нас отличный выбор очков.

— Как бы я хотел, чтобы можно было так легко исправить её видение, — сказал Брилл. — Мой брат — один из близнецов, но, к сожалению, наша сестра не пережила родов. Из-за этого моя мать направила всю свою заботу на молодого Хьюта. В сочетании с его ранним интеллектом он стал чем-то вроде монстра.

— Хотя я не стал бы оспаривать эти факты с моим братом, — сказал Хьют, — моя сестра не просто умерла, она превратилась в ангела и теперь наблюдает за мной, даруя мне удачу и предупреждая меня о бесполезных спутниках. Прямо сейчас она витает над моей головой.

Даво и Фанни инстинктивно посмотрели на воздух над головой Хьюта.

— Она также указывает на легковверных дураков, где бы они ни находились, — сказал Хьют с ухмылкой.

— Он невыносим, — сказал Даво.

— Да, — сказал Брилл. — Лучше всего игнорировать его и надеяться, что ему станет скучно. Иногда он просто уходит.

— О, нет, — сказал Хьют. — Не в этот раз, старший брат. Твои новые друзья очаровательны. Этот, в частности. — Он смотрел на Ника.

— Я? — сказал Ник. — Почему?

— Мой отец постоянно говорит о тебе. Этому должна быть веская причина, но она ускользает от меня. Мне очень нравится разгадывать загадки.

— Нет необходимости продолжать своё расследование, — сказал Брилл. — Ты прекрасно знаешь почему: у отца есть проблема с тоже-реном, нарушающим статус-кво.

— Я так не думаю, — сказал Хьют. — Здесь больше, чем кажется на первый взгляд. Должно быть. И уроки первого года были очень разочаровывающими. У меня много свободного времени.

— Могу я тебя кое о чём спросить? — сказал Ник.

— Конечно, — сказал Хьют.

— Если ты обнаружишь эту цель для своих талантов, что ты будешь делать, если эти люди не нуждаются в твоей помощи?

— Меня ни капли не волнуют их желания, — без колебаний ответил Хью. — Я служу делу, а не другим слугам. У меня нет иллюзий, что меня оттеснят и заставят выполнять незначительные задачи в случае, если я украду славу у тех, кто уже гоняется за славой и богатством. Так было всегда: яркий человек, работающий на службе благородной цели, становится препятствием для его собственных амбиций. Это высокомерие успеха — добившись такого блага, он считает, что для всех заинтересованных сторон лучше, если мир будет просто действовать в соответствии с его собственными желаниями. Это смешно, конечно, но неизбежно. Несмотря на лучшие намерения, в конце концов, он цепляется за бразды правления, забыв о том, на каком звере он верхом или в каком направлении его направить. Надеюсь, когда я дойду до этой стадии испорченности, мои достижения приведут к некоторому прогрессу, и какой-нибудь молодой щёголь придёт и скинет меня с моей лошади. Это то, что я сам собираюсь сделать со

старшими и вышестоящими.

На эту речь, произнесённую с кратчайшими паузами на вздохи и на глотки пищи, из-за чего ритм оставался непрерывным, никто не был способен ответить.

Тем не менее, это помогло Нику принять решение. Он встал и прошёл через столовую.

— Тебе нужно тренироваться, прежде чем я смогу помочь тебе дальше, — сказала Диззи Нику, который стоял и смотрел, как она и Симоль ест.

— Я знаю. Я следую твоим инструкциям.

— Следует, — сказала Симоль. — Очень энергично.

— Посмотрим, — сказала Диззи, вставая с подносом в руках. — Но ты не со мной пришёл увидеться, так ведь? — Она ушла, не дожидаясь ответа.

— Симоль, то, о чём мы говорили. Думаю, я готов.

Симоль вскинула бровь.

— Это было быстро. Раньше ты не был так уверен.

— Это вопрос определения того, чего она хочет, и если это что-то, что может помочь ей, то это нужно предотвратить. Чем скорее я узнаю, что это, тем лучше.

— Хорошо, — сказала Симоль. — Просто скажи мне, когда.

◇□◇□◇

Ник лежал в постели, думая о молодом Хьютоне Эпстиме. Помимо того, что он был очень назойливым и раздражающим, у мальчика было очень сильное представление о том, как использовать свои навыки. Он не нашёл ответа на насущный вопрос о том, что делать со своей жизнью, но он активно искал свой путь. Он осознал, что в мире действуют силы, которые были прочно укрепившимися и укоренившимися, и что он хотел распознать их и использовать свои способности для поддержки той стороны, которую он считал более достойной.

Это был чёткий и ясный план действий. Ему не хватало определённых элементов, но в общих чертах он его обрисовал и теперь работал над заполнением пробелов.

Такой Ник и желал видеть свою жизнь. Какое-то время она была такой. Когда он гнался за

Диззи, ему редко приходилось останавливаться и думать о своём следующем ходе. Каждое препятствие легко устранялось, потому что он всегда знал предпочтительный результат. Наличие цели освобождало от сомнений.

— Ты выглядишь рассеянным, — сказал голос в голове.

— Да. Я пытаюсь понять своё место в этом мире, — сказал Ник.

— Это не очень сложно. Оно — то, которое ты только захочешь.

— А что, если я не знаю, чего хочу?

— Тогда оно не так уж важно, не так ли?

Большинство его контактов с Виннум Роке не были разговором. Большинство из них были противостояниями, постоянными поединками между двумя умами, борющимися с помощью образов и слов; зачастую они были одним и тем же.

— Думаю, я хотел бы путешествовать, — сказал Ник. — Чтобы увидеть места, о которых я читал.

— Благородное стремление, — сказала Виннум Роке. — Расширять свой кругозор. Так почему ты этого не сделаешь?

— Сейчас? У меня нет средств.

— Что за вздор. Есть, конечно. Две ноги и бдительный ум — вот и всё, что тебе нужно. У тебя даже есть компаньон, который направит тебя. В духовном смысле, если не в географическом.

— Ты много путешествовала, прежде чем стала Архимагом?

— Да, но это было тысячу лет назад, и мир был совсем другим. Кажется, теперь в воздухе другой запах, и другие формы у зданий, кроме тех, что есть здесь, в Ренсоне. Это место одно и то же. — Голос её прозвучал горько, когда она упомянула о школе. — Я не могу предложить тебе силы демона, Ник, но у меня есть ум, острый и яркий. С моей помощью у тебя не возникнут большие проблемы по прокладыванию пути через земли чудес.

— Почему ты не можешь предложить мне силы демона? — спросил Ник. — Ты же существо из магии, так ведь?

— Боюсь, это так не работает.

— Но ты родилась магом. Внутри тебя есть сущность демона.

— Нет, я выпустила своего демона, когда отправилась в Иное Место. В нём не было нужды, и я не хотела, чтобы кто-то разделял моё наказание. Сейчас я обычная женщина, которая живёт в твоей голове.

— И ты бы отказалась от мести, чтобы отправиться вместе со мной в путешествие?

— Не знаю, сказала бы я это. Я бы хотела отложить месть на какое-то время. Какую разницу принесут ещё несколько лет?

— Куда мы пойдём? — спросил Ник.

Тёмное пространство сменилось на цветное, а затем сложилось в изображение.

— Через Гвюр на восток, думаю. Таким оно было, когда я была молода. Уверена, там многое изменилось.

Это был пышный пейзаж, который полностью противоречил тому, что Ник видел в Гвюре, хотя он видел небольшую его часть. Насекомые гудели и жужжали в бешеной активности вокруг огромных масс белых цветков, чьи странные и тяжёлые ароматы опьяняли воздух.

Грызуны с пухлыми щеками шелестели в подлеске, радужные жуки в спешке пробегали между ногами Ника, птицы кричали резким фальцетом и получали в ответ щелчки и гортанные крики.

Высокие сосны окружали их занавесью тёмно-зелёного, изредка раскрывая золотую зелень дубов вдаль, а также мелькающие заснеженные горы ещё дальше. Были ли в Гвюре горы? Ник вспомнить не мог, а, может, их больше и не было.

И перед ним стояла Виннум Роке собственной персоной — стройная женщина в простой одежде, её волосы были коротко подстрижены и удерживались синей лентой.

— Почему Гвюр? — спросил Ник.

— Всего лишь путь из Ранвара. Нужно же каким-то образом уйти.

— Не потому, что там тот демон лишился своих сил? Демон, который когда-то был частью тебя?

— Ты сомневаешься в моей искренности, — сказала Виннум Роке.

— Просто любопытно, — сказал Ник. — У меня нет никаких сомнений, что ты в какой-то момент попытаешься обмануть меня. Каждый так делает, если думает, что это ради более высшей цели. Я попросил кое-кого присоединиться к нам сегодня, надеюсь, ты не против.

— Отлично, — сказала Симоль. — Где мы? В джунглях Мальмы?

— Это Гвюр тысячу лет назад, — сказал Ник.

— Прелестно. — Она раздавила жука.

— Ах, Симоль, — сказала Виннум с чем-то вроде приближающейся радости в голосе. — Как я рада снова увидеть тебя. Как я скучала по тебе. Самая красивая девушка с самым острым языком. И настолько богатая арканумом, что я пьянела, просто находясь рядом с тобой. Подойди, дитя, подойди ближе, чтобы я могла поцеловать тебя.

Виннум Роке бросилась вперёд, словно кошка. Она прорвалась сквозь Симоль, как будто та была столпом дыма, развеивая её во все стороны, причём фрагменты оригинального изображения оставались на месте. Глаз здесь, рука там.

Виннум Роке вскрикнула от разочарования.

— Это не она!

— Нет, я решил немного подождать, прежде чем привести её сюда.

Виннум Роке сникла, её голова наклонилась вперёд.

— Ты никогда не верил моим намерениям.

— Я был... скептически настроен.

— И что теперь? Мы продолжим наши маленькие разговоры, пока ты держишь меня в плену?

— Это был твой выбор прийти сюда.

— Выбор? — сказала Виннум Роке. — Ты думаешь, у меня был другой вариант?

— Это не моя вина. Ты несёшь ответственность за свои успехи и неудачи. Они победили тебя, и сейчас они все мертвы. Кому ты собираешься отомстить?

— Мертвы? — сказала Виннум со смехом, который звучал так, будто она была на грани безумия. — Они не мертвы. Ты думаешь, что я виню Королевский колледж? Меня не волнует судьба нескольких магов и их плохие решения. Многие другие заменят их и сделают ещё более плохие выборы. Демоны, глупый ты мальчишка, они будут нашей погибелью. Не сегодня, может быть, не через тысячу лет, но в конце концов они будут править нами. Так что, видишь, не имеет значения, если мы сначала отправимся в путешествие по миру, ведь они будут ждать, когда мы вернёмся.

— И ты думаешь, что сможешь победить их? — спросил Ник.

— Победить их? Не напрямую. То, что я могу сделать, — хитростью заманить их обратно на их корабль и отправить их в весёлый путь, заставив их думать, что они победили и получили всё, о чём они когда-либо мечтали. — Она села на траву и позволила ящерицам прыгнуть ей на руки.

Это прозвучало как очень ранварский способ борьбы с врагом. Убедить их, что они победители, когда они машут белым флагом капитуляции.

Ник сел рядом с ней.

— Скажи мне как.

<http://tl.rulate.ru/book/4550/390985>